

— Эй, помедленнее, помедленнее...

— Слишком быстро, брат, малыш, ну ты... помедле—

— Хватит! — Фу Гэ рассмеялся, прервав его нытьё, и легонько мазнул зелёной краской по щеке. — Ты собираешься вопить до бесконечности? Кто не в курсе, решит, что я над тобой издеваюсь.

Ну подумаешь, попросил подержать запястье, пока рисует. А Ци Хань уже едва не дрожит от напряжения, то слишком быстро, то слишком медленно, словно каждое движение — угроза уничтожить шедевр. В итоге аккуратный медвежонок под его рукой превратился в кривую карикатуру.

— Я просто нервничаю, вдруг испорчу твой рисунок.

Он сидел на больничной койке, обнимая Фу Гэ, тёплой ладонью нежно поглаживая его живот.

Солнце окрасило край неба в багрово-золотой, ветер неслышно скользил сквозь вечернюю тишину.

Такие моменты в их жизни случались слишком редко.

Ци Хань крепче прижал его к себе, уткнулся подбородком в шею, зарывшись в мягкую кожу, и, прикрыв глаза, почти мурлыкнул:

— Брат, научи меня рисовать. Когда я научусь, буду сам водить твоей рукой, ты даже не устанешь.

Фу Гэ, смеясь, откинулся на его грудь и легко коснулся губами его носа.

— Посмотри на то, что ты только что нарисовал. Если доверить тебе кисть, мы оба умрем с голоду.

Ци Хань глухо рассмеялся:

— Значит, я тебе не нравлюсь?

Он поймал Фу Гэ за подбородок и нагло перехватил поцелуй, медленно целуя уголки мягких губ, легко водя пальцами по нежной коже, будто дразня. Только когда ему показалось, что этого достаточно, он нехотя разжал объятия.

Но едва их губы разомкнулись, как влажная нижняя губа Фу Гэ чуть вздрогнула. В глазах альфы тут же мелькнул огонь. Не говоря ни слова, он сорвал с него очки и, не колеблясь, врезался в губы новым, жадным поцелуем.

— Мм... опять?..

— Недостаточно.

Он запрокинул ему голову одной рукой, прижимая к себе, а другой скользнул под подбородок, нежно проводя пальцами по мягкой коже, то прижимая, то легонько щекоча, вызывая дрожь. Голос его стал низким, тёплым, срывающимся на хриплый шёпот:

— Малыш... ты такой сладкий.

Фу Гэ лишь символически дёрнулся, будто хотел оттолкнуть его, но уже в следующую секунду расслабился, открылся, позволил альфе углубить поцелуй, сам обнял его за плечи, притянул ближе, дыша прерывисто:

— Полегче... я задохнусь...

Ци Хань всегда целовал так — так, что мир вокруг растворялся. Резко, жадно, не давая передышки, безжалостно погружая в себя. Однажды начав, он уже не мог остановиться.

Наверное, у всех альф с бешеной собственнической жилкой это врождённое.

Но он не хотел, чтобы Фу Гэ чувствовал дискомфорт, и, пересилив желание, нехотя разжал объятия.

К тому времени тот уже обмяк у него в руках, полуоткрытыми глазами глядя на него сквозь лёгкую дымку влажного тумана. Большие миндальные глаза поблёскивали под тяжёлыми ресницами, на которых дрожали крошечные капли влаги, а приоткрытые губы дрогнули, скривились в недовольстве, прежде чем он, шмыгнув носом, почти жалобно пробормотал:

— Ты что, совсем с ума сошёл? Какого чёрта ты так сильно кусаешься...

Ци Хань замер, осознав, что, чёрт возьми, если он посмотрит ещё хоть секунду, то потеряет остатки контроля.

— Капризный малыш... — хрипло пробормотал он, не удержался и снова мягко коснулся его губ, чуть тёплых, влажных, сочных, задержавшись на секунду, прежде чем прижаться носом. — Точно мармелад.

Фу Гэ ничего не ответил, нахохлился, уткнувшись в его грудь, пытался унять сбившееся дыхание, и выглядел при этом как мокрый котёнок, которому только что испортили всю гордость.

До одури милый.

— Ты только что пил грушевый сок? — пробормотал Ци Хань, легко проводя пальцем по его припухшим губам.

— Ага. — Фу Гэ в отместку тут же цапнул его за палец. — Сказали, ты велел мне выпить.

— У тебя голос осип, так тебе будет легче.

Он сказал это спокойно, почти рассеянно, но тут же склонился и, с привычной наглостью, рассыпал мимолётные поцелуи по его ушам, зарывшись в тёплую кожу, погладил его мягкие волосы, даже в плечо вцепился, слегка стиснув зубами тонкую ткань больничной пижамы.

Если бы за чрезмерные поцелуи сажали, Ци Хань, наверное, гнил бы за решёткой пожизненно.

Фу Гэ не выдержал, рассмеялся, отталкивая его.

— Ты не угомонишься, да?

Ци Хань тихо рассмеялся, смеясь так, будто в его груди было слишком много нежности, слишком много тепла, и всё это выплёскивалось наружу с каждым лёгким поцелуем — на нос, на скулу, на уголок губ. В этом смехе было столько безрассудного обожания, столько слепой привязанности, что его голос звучал почти глупо:

— Я сам не знаю, что со мной... Но когда ты вот так послушно сидишь, такой тёплый, я просто не могу остановиться.

Он мягко провёл пальцами по его руке, переплетая их пальцы, и, чуть наклонившись, прижался губами к тому месту, где должен был быть обручальное кольцо.

— Маленький, я даже не знаю, как правильно тебя любить...

На какое-то мгновение он замер, будто собираясь с силами, а потом, вдруг надломившись, заговорил быстрее, срываясь, едва успевая за собственными мыслями:

— В день свадьбы, когда меня уводили, я хотел выпрыгнуть из машины прямо под колёса. Когда меня схватили охотники за железамы, я всерьёз собирался застрелиться.

Он чуть прикусил губу, закрыл глаза.

— Я так сильно хотел тебя, но ты даже не смотрел на меня...

Всё, что разрушало его до основания — это не боль, не издевательства, не отчаяние. Это просто знание, что человек, ради которого он жил, его больше не любит.

И с того момента он даже не пытался что-то вернуть. Он просто молча искупал, молча каялся, молча смотрел издали, молча шаг за шагом шёл к неминуемой гибели.

А потом, в тот самый день, когда Фу Гэ наконец поднял голову и посмотрел на него самой безграничной любовью, — оказалось, что он всё это время был рядом.

С того момента ничего не имело значения.

Фу Гэ больше не нужно было делать ни шага.

Достаточно было всего одного слова, самого тихого звука — и огромная, преданная собака, которая всё это время ждала у его порога, сразу сорвётся с места, сама преодолит сотню преград, на бегу разорвёт все цепи, лишь бы оказаться рядом, встать перед ним на колени и уткнуться лбом в его руку, прося: «Пожалуйста, разреши мне быть с тобой».

Стрела, выпущенная из лука, уже не остановится.

Ци Хань будет идти к нему всю жизнь.

Фу Гэ молча смотрел ему в глаза.

— Знаешь, за эти семь месяцев, что я мстил тебе... когда я ненавидел тебя больше всего?

Ци Хань замер, в замешательстве моргнул.

— Тогда, когда ты мучил меня в не достроенном доме?

Фу Гэ покачал головой.

— Нет.

— Тогда... тогда, когда я сказал про твоё тело?

Фу Гэ чуть улыбнулся.

— Тоже нет.

Ци Хань вдруг ощутил неясную тревогу. Он не знал, что ещё можно сказать. Осторожно, будто боясь узнать ответ, он выдохнул:

— Тогда... когда?

Фу Гэ смотрел прямо на него.

— Когда ты пытался покончить с собой.

Его губы дрогнули в улыбке, но в глазах застыла неподдельная боль, в уголках глаз всё ещё поблёскивала влага.

— Пять лет назад, когда ты разрушил меня... именно тогда я любил тебя больше всего.

Пять лет спустя, в тот момент, когда ты собрался уйти навсегда, я ненавидел тебя больше всего.

Когда всепоглощающая любовь и разрушительная ненависть вспыхивают из-за одного и того же человека, как можно не сойти с ума?

Желание отомстить Ци Ханю стало его единственным смыслом, единственной силой, которая держала его на этом свете. Он даже готов был после всего забрать его с собой — так или иначе, но остаться в этом мире в одиночестве он не хотел.

К счастью, в самый последний момент Ци Хань вытащил его обратно.

Время и любовь способны исцелить даже то, что казалось безвозвратно разрушенным.

— Ты говоришь, что не знаешь, как меня любить... Но ведь это же и мои слова.

Фу Гэ поднял голову, и в его глазах, синих, как зимнее море, отражалась крошечная, размытая фигурка Ци Ханя.

— Я слишком долго ненавидел тебя, так долго, что уже почти разучился любить. Поэтому у меня получается... неуклюже. Тебе нужно подождать меня, хорошо?

Он улыбнулся, и в этой улыбке было что-то светлое, какое-то робкое тепло, которое лишь пробивалось сквозь толщу пережитого.

— Не будь таким осторожным. Не бойся меня терять.

Он взял печать и с лёгким, весёлым хлопком оставил на его лбу маленького зелёного медвежонка.

— Мой мистер Мишка, держи голову выше и жди, пока я полюблю тебя как следует.

Палач никогда не сможет забыть свои грехи — он должен искупать их всю жизнь.

Жертва же со временем отпускает свою боль — потому что она выбирает не месть, а любовь.

Годы шли, жизни перетекали одна в другую, их пути снова и снова пересекались, и вот, наконец, они нашли свой ответ.

Пять часов давно прошли. Закат растаял во тьме, но двое в больничной палате даже не заметили, как мир сменил краски.

Фу Гэ тяжело дышал, уткнувшись горячим, покрытым потом лбом в плечо Ци Ханя, изредка из его пересохшего горла вырывались слабые, приглушённые звуки.

— А-Хань... хватит... Сяоцзюэ вот-вот проснётся...

Но Ци Хань только усмехнулся, не останавливаясь, продолжая лениво, задумчиво, то мягко, то чуть требовательнее прикоснуться губами к чувствительной коже за ухом. Щёки его давно покраснели от трения, глаза мерцали довольной, ленивой улыбкой.

— Ещё чуть-чуть, — пробормотал он, убаюкивая.

Одежда на них обоих оставалась целой, с самого начала и до конца Ци Хань не коснулся его ниже шеи. Но этого и не требовалось — Фу Гэ был слишком чувствительным. Даже такие невинные прикосновения заставляли его едва слышно вздрагивать, плотно зажмуривать глаза, кусать губы, пытаясь справиться с переполняющим чувством.

Он выглядел до жалости уязвимым, губы дрожали, когда он прошептал:

— Ты... не перегибай...

Словно хотел возмутиться, но голос его звучал так слабо, так податливо, что убеждения в этих

словах не было.

— А-Хань... хватит... Ещё немного — и у меня всё распухнет, я опять никому не смогу показаться на глаза...

Ци Хань только усмехнулся, лениво прикусил его чувствительную ушную раковину и, небрежно выдохнув ему в кожу, пробормотал:

— Ну и не показывайся.

Может, виной была его болезненная зависимость, может, врождённая альфа-одержимость, но ещё пять лет назад он понял: ему нужно прикасаться к Фу Гэ.

В общезнании он ещё как-то держал себя в руках, но с тех пор как они начали жить вместе, у него не осталось тормозов.

Играл ли он в игры, читал ли книгу, даже просто ел или засыпал — его руки неизменно находились на Фу Гэ. Тот, разумеется, сначала сопротивлялся, шипел, отмахивался, но стоило ему чуть расслабиться — и всё, снова был прижат к нему, снова оказался в кольце его рук, снова утопал в этих бесконечных поцелуях.

Со временем он сдался.

На их общей кухне в Чёрную Пятницу больше всего расходовались упаковки бальзамы для губ.

Фу Гэ тогда и серчал, и смущался, но каждый раз, когда Ци Хань нахально целовал его в уголок губ в самый неожиданный момент, во взгляде у него пряталось что-то тёплое, что-то, от чего всё внутри сжималось сладкой, тягучей нитью.

Теперь всё было так же.

Фу Гэ сдавленно застонал, когда Ци Хань чуть тронул его подрагивающее бедро.

— Нет... — Он тут же вжал пылающее лицо в его плечо, совершенно растерянный, замер на месте, будто испуганный кролик, пойманный за ухо, совершенно беззащитный.

Ци Хань тихо усмехнулся, тёплым дыханием коснулся его макушки, зарываясь в мягкие волосы, медленно повёл носом по ним.

— Уже скучал по мне? — голос его стал низким, мягким, почти убаюкивающим.

Фу Гэ сжал его руку, спрятался у него в груди, выдохнул в шею приглушённое:

— Мм...

— Хороший мальчик.

Он легко приподнял его, усадил к себе на колени, бережно прижал ладонь к его животу, проводя пальцами по светлому шраму.

— Здесь всё ещё болит?

Фу Гэ покачал головой, тёплым лбом уткнулся в его шею, зарывшись носом в кожу.

— Уже давно нет. Я соврал тебе... на самом деле никогда особо не болело.

Ци Хань хмыкнул, коротко коснулся его носа, едва слышно пробормотал:

— Хорошо.

Он помолчал, потом вдруг спросил:

— Я был в отключке. Ты... звал врача, чтобы проверить себя?

При этих словах Фу Гэ резко напрягся. Губы его сжались, выражение лица стало странным, будто он вспомнил что-то неприятное.

Ци Хань приподнял бровь, с усмешкой глядя на него.

— Что такое? Почему ты вдруг так смотришь?

Фу Гэ медленно выдохнул.

— Проверял.

— Результаты плохие? — Ци Хань мгновенно напрягся, в голосе прорезалась тревога. — Что сказал врач?

Фу Гэ чуть отвёл взгляд, замешкался, а потом с самым невозмутимым видом объявил:

— Я считаю, что врач так себе. Слушать его не стоит.

— Это ещё что за логика? — Ци Хань фыркнул, бессильно усмехаясь, и, прищурившись, потянул его за пухлую щёку. — Не шути. Что он сказал на самом деле?

Фу Гэ сдулся.

Выдохнул, неохотно буркнул:

— Сказал, что я всё ещё восстанавливаюсь. В ближайшие месяцы... нельзя.

Он говорил это без особой уверенности, а потом, будто опомнившись, всё же попробовал выкарабкаться:

— Но я-то ничего не чувствую! Всё нормально! Он наверняка врёт, просто чтоб нас разлучить!

Говоря это, он хмурился с таким возмущением, таким искренним недовольством, будто и правда верил в коварный заговор врачей, запретивших ему интимную близость.

Ци Хань не выдержал — рассмеялся, прижал его к себе, чуть приподнял и снова посадил на колени.

— Ты из-за этого расстроился, да?

Фу Гэ отвернулся, отмалчивался, но то, как покраснели его уши, выдавало всё без слов.

Ци Хань провёл ладонями по его талии, чуть прижал его ближе, мягко, почти шёпотом спросил:

— Тебе... плохо?

Фу Гэ не ответил. Только уткнулся лицом в его шею, прижался, зарывшись носом в кожу.

И тихо, почти невесомо выдохнул:

— Я скучал...

Ци Хань наклонился, поцеловал его в макушку, в голосе прозвучала мягкая усмешка:

— Мой маленький обжора.

Он обнял его крепче, так, будто хотел растворить его в себе, уткнулся в его волосы, глубоко вдохнул запах, позволил себе погрузиться в него.

— Малыш, тебе не нужно этого стесняться. Раньше ты не мог вынести даже моего запаха, а теперь сам признаёшься, что скучаешь. Ты не представляешь, как я счастлив.

Он бережно уложил его обратно на кровать, одним движением поднял температуру на кондиционере, а потом, легко касаясь, позволил своим феромонам разлиться в воздухе.

Перед тем как снова поцеловать его, склонился, пробормотал прямо у губ:

— Не бойся. Если нельзя, значит, просто найдём другой способ. Как насчёт того, чтобы я тебя немного побаловал?

Фу Гэ вспыхнул, вцепился в его рубашку, тут же натянул её на лицо, пряча пылающие щеки. Губы его дрожали, но всё же выдохнули один-единственный, смущённый звук.

Ци Хань тихо рассмеялся.

Поймал его за нос, ласково прищурился:

— Ты можешь просить у меня что угодно.

Тело ещё не до конца оправилось, не выдержало нагрузки, и к моменту, когда всё закончилось, Фу Гэ уже крепко спал.

Когда маленький А-Дзюэ, сонно потирая глазки, шатаясь, вошёл в палату, Ци Хань как раз укачивал Фу Гэ на руках. Он держал его лицом к себе, осторожно поддерживая под ягодицы, неторопливо покачивался из стороны в сторону, как будто бы убаюкивал ребёнка, а сам вполголоса читал на немецком сказку.

Заметив в дверях маленького гостя, он даже обрадовался. Бережно уложив Фу Гэ на кровать, он шагнул ближе и спросил негромко:

— Пришёл к папе?

Мальчик кивнул.

Сосредоточенно подбирая слова, он пробормотал не совсем уверенным китайским:

— Рара, можно мне немного места?

Ци Хань моргнул.

— Что?

Но А-Дзюэ уже не стал ничего объяснять. Просто потянулся и, на цыпочках, полез прямо к Фу Гэ, намереваясь плюхнуться ему на грудь.

Ци Хань с молниеносной реакцией поймал его за воротник прямо в воздухе и приподнял, как наглого маленького черепаха.

— Потихе, — проворчал он, аккуратно опуская его рядом с Фу Гэ. — Папа устал, ему нужно отдохнуть.

Но даже этот короткий диалог успел его разбудить.

Фу Гэ лениво перевернулся на бок, помассировал детские щёчки кончиками пальцев и мягко улыбнулся:

— Сам пришёл? Проснулся, малыш?

— Нет, — серьёзно покачал головой А-Дзюэ. — Но я должен пожелать папе спокойной ночи.

— Тогда давай.

Фу Гэ протянул ладонь, раскрыл её, приглашая.

А-Дзюэ без раздумий уткнулся лицом в его тёплую кожу, потерся пухлым подбородком, пробормотал на смешанной смеси английского и китайского:

— I love you, dad. Good night.

Фу Гэ легонько поцеловал его в лоб.

— Good night.

Ци Хань наблюдал за этим маленьким ритуалом с неподдельным интересом, глаза его лукаво сверкнули.

Фу Гэ догадался, что он задумал, и, даже не дожидаясь просьбы, тоже протянул к нему ладонь, приглашающе развернув её вверх.

— Тебе тоже нужно?

Альфа усмехнулся, но в глазах его было слишком много нежности.

Он сначала взял его пальцы, медленно, почтительно прикоснулся к ним губами. Потом, как сделал А-Дзюэ, положил подбородок на раскрытую ладонь и чуть потерся, оставляя за собой лёгкую, горячую дорожку дыхания.

Спокойной ночи, моя любовь.

<http://bllate.org/book/14453/1278356>